

16+

Григорий Анатольевич Калюжко

Наследники тайн

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42811037

SelfPub; 2019

Аннотация

Из более чем столетнего периода жизни древнего города откроются невероятные истории тайного переплетения человеческих судеб. Внебрачный сын царской особы вынужден поселиться в провинциальном волжском городке. Выходец из крестьян станет невольным продолжателем одной из ветвей чуждого ему рода. Реальные люди стали прототипами героев и персонажей книги. Они поведают о мотивах их долгого молчания, эволюции характеров и поведения. Забавные и равнодушные зарисовки отдельных эпизодов непридуманных событий и размышления действующих лиц могут стать прологом увлекательных локаций или квестов, базой в поисках истоков и объяснений случившегося.

Содержание

Часть 1	4
Краевед	4
Ступины	16
Александр	18
Степан	36
Уездная милиция	42
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Часть 1

Краевед

Во все времена люди знатных сословий гордились своими предками и пращурами. Не всегда им удавалось выразить свои чувства открыто. Такое пережил и Петр – каретных дел мастер. Как явь, привиделась начинающему писателю-краеведу картина последних дней его жизни.

...Пришло печальное время, и он передал свою последнюю просьбу заботливой жене Елизавете:

– Милая, будь добра и дай обещание. При проводах в последний путь положи мне, бездыханному, в нагрудный карман у сердца вот этот шелковый платочек. С памятью о моих родителях.

В траурный день, прощаясь с мужем, Елизавета Егоровна словно заученным движением поместила сверточек в указанное место. Кончики пальцев ее ухоженных рук безошибочно определили содержимое вложения...

Где и как произошло это таинственное событие, и какие обстоятельства способствовали ему? Максимально правди-

во, без особых художественных излишеств и прикрас наш центральный герой постарается ответить прежде всего для себя. Ему было важно разобраться в чувствах и поведении целой галереи встречаемых и знакомых ему героев и персонажей. Историю, услышанную им, как кричащий стон души, он вынужден исследовать с ранних ее времен и до настоящих дней.

Для Ильи, родившегося на Донбассе, знакомство с небольшим городом на Волге, переросшее в крепкую привязанность, состоялось сорок два года назад. Начавшаяся здесь грандиозная стройка позволила ему мечтать об удаче и счастье. В левобережье он прожил в частном доме родителей жены чуть больше двух лет. Переправа через легендарную российскую реку была обыденным ежедневным занятием. Летом – на кораблике или лодке, зимой, когда устанавливались настоящие морозы, – пешком по заснеженной тропе. Совершал иногда небезопасные переходы и через торосы, и вблизи мрачных с нервной рябью промоин. Осенью случались по утрам густые туманы. Все ходившее по Волге временно стояло в томительном ожидании, пока видимость не позволяла им начать движение. «Возможно, из-за этого природного явления город стали называть Туманов», – подумал приезжий с семьей из Оренбурга молодой инженер. Работа на заводе вошла в привычку. Утро для него начиналось испуганными гудками речных трамвайчиков и барж, а также призывно-тянучей сиреной литейного цеха, возвещавшей о

запуске немецкой автоматической линии.

Он не догадывался, что к живописным красотам северных волжских берегов можно прибавить удивительный летний утренний туман. Это произошло на рыбалке с лодки. Стали на якорь они с Борисом Ивановичем, заядлым рыбаком, не доходя до Савинского. Пытаясь сохранить равновесие «Прогресса», Илюха повторял движения старшего товарища. Неопытный рыбак поеживался от утренней прохлады и думал о возможном удачном улове. Приглядевшись к ровной и просторной глади реки, он заметил необычную картину. словно белые ниточки над водой, живо поднимались на полуметровую высоту струйки пара или тумана. Стоявшее безветрие не нарушало это чудо природы. От легкого ветерка ниточки зашевелились, и сказочное видение растаяло.

– Обрати внимание на тишину в лесу, – тихо сказал Иваныч, показывая рукой на изумрудную стену красивого смешанного леса вдоль противоположного крутого берега. – Птицы ждут встречи с солнцем. Не пропусти этого мгновения.

Действительно, редкие птичьи голоса стихли. Ощущение ожидания чего-то важного охватило и начинающего рыбака. Прошло несколько минут, и верхушки деревьев вдруг заискрились золотым отсветом. До рыбаков долетел звук, как взрывная какофония разноголосой птичьей радости и восторга. Количество пойманной рыбы в тот раз Илья не запомнил. Сохранились только неожиданные и волнующие душу

впечатления. Природа щедро приоткрыла ему свои сокровенные тайны.

В свои двадцать шесть лет он успел стать носителем армейских и заводских секретов. Маленькие тайны познал в общественной и личной жизни. Иронично относился к тайнам мадридского двора, когда речь шла о не очень существенной информации, которая скрывалась от других людей из-за излишней осторожности, глупости и тому подобное.

Существование в жизни древнего города множества скрытного и тайного Илюшу в те времена не интересовало. При возникновении благоприятных на то условий волей активных жителей, обреченных любовью к родному краю, раскрывались потерянные страницы истории местности. Они становились достоянием историков, разных специалистов и обычных любознательных граждан. Одни выявленные факты и события становились достопримечательностью этих мест, интересными для гостей и туристов. Другие, из «благих побуждений», дальше узкого круга знатоков не распространялись.

Илья Антонович Руднев, выйдя на пенсию, стал дотошно интересоваться историей города, можно сказать, неожиданно и даже случайно. Как-то ветераны комсомола района собрались, чтобы заблаговременно обговорить подготовку к круглой юбилейной дате создания славной организации. Воспоминания юности волнуют многих убеленных сединой немолодых людей, а тех, кто активно прожил свою жизнь, —

особенно. Появилась идея: летопись местного комсомола собрать по крупицам, узнать лидеров и известных активистов в прошлом, дополнить их уже известными публикациями и выпустить все книгой. Кто-то предложил ее издать к празднованию столетия. Инициатива у нас наказуема. Ответственными исполнителями за подготовку книги записали Руднева и еще кого-то.

С трудностями осуществления почти добровольно взятого на себя обязательства Илья Антонович столкнулся уже скоро. Дружного коллектива соавторов не получилось. Ему предстояло возобновить прежние знания истории молодежной организации, составить план или, как модно стало говорить, дорожную карту предстоящих работ. Прежде основной упор он ставил на посещение государственных архивных учреждений. Вскоре к радужным ожиданиям прибавились неожиданные огорчения. Наряду с плохо читаемыми «манускриптами» трудно было установить интересующие личности, так как часто указывались только фамилии без имен и отчеств. К тому же архивных документов прошлых лет сохранилось не более десяти процентов от тех, которые когда-то сдавались на хранение. Виной тому была Великая Отечественная война и наша бедная, но гордая страна.

К традиционным способам поиска интересующего материала добавился интернет. Илья считал себя продвинутым пользователем новой сферы человеческих увлечений и рьяно стал напрягать поисковики и социальные сети. Нако-

нец-то у него появилась надежда извлечь хоть какую-то пользу от давно созданных им виртуальных групп. Появилась минимальная критическая масса собранных сведений, из которых можно было начинать формировать содержание книги. Однако сбор информации и писательский труд оказались, мягко говоря, совсем не простым делом. Наконец-то пришло понимание, что опыт подготовки статей и докладов мало помогает при создании художественного повествования. Пришлось чаще «отвлекаться» на чтение современной и классической литературы, глубже вникать в ремесло книгописания и делать робкие шаги на этом пути. Он еще не знал, но догадывался, что утомительные краеведческие поиски не вызывают особого общественного восторга и тем более благодарности. Часто доставляют неприятности или способствуют возникновению непонимания со стороны окружающих. Даже если его замечают и порой восхищаются его бескорыстным увлечением, то это кратковременно. Такие грустные умозаключения Илья Антонович сделал, увидев заброшенную могилу на местном кладбище ранее почитаемого краеведа, соавтора известной книги о городе.

Многолетние поисковые и творческие труды пенсионера Руднева с перерывами и отвлечениями на другие заботы и удовольствия будто бы приближались к завершению. Неожиданно нашлась правнучатая племянница одного из первых организаторов комсомола. Глафира указала кладбище, где был похоронен ее легендарный родственник. После тщатель-

ного поиска была найдена и посильно благоустроена ветераном могила первого избранного лидера уездного комсомола Степана Ступина¹. Поиски «сведущих» людей в интернете продолжались и приносили плоды. Нашелся писатель – наш земляк, ныне проживающий в Нижнем Новгороде, Виноградов. Он видел Степана в шестидесятых годах как соседа по улице. Запомнил скромную его одежду, тщательно заштопанный костюм (френч), калоши на сапогах.

Тем не менее ощущение неполноты собранного и существовавшая неуверенность в полной достоверности обработанных материалов не покидали начинающего краеведа. Как-то, завершив первые огородные работы на даче в старинном городе Туманове, он набрался сил и смелости для апробирования еще одного важного источника информации. Хотелось использовать беседы с очевидцами, старожилами города, в котором и происходили основные события прошлых лет. Почему-то он был уверен, что еще живы современники, что-то знавшие о первом комсомольце Ступине.

Летнее утро выдалось солнечным и теплым с редкими облаками на небе. Погода позволяла дачнику-исследователю бродить по улочкам сколько угодно. В исторической части города текла будничная жизнь небольшого рынка с пестрыми палатками напротив череды сонных, невзрачного вида магазинчиков. По прилегавшим немногочисленным улицам ха-

¹ Некоторые имена героев книги и отдельные названия вымышлены. Возможные совпадения и узнаваемость могут быть случайны. – *Прим. авт.*

отично двигались жители разного возраста. Любопытствующее внимание Ильи привлекла одна довольно шустрая старушка. Она шла именно по той улице, где когда-то давно проживал впоследствии ставший партийным работником бывший комсомолец Степан. Преодолев природную скромность, Илья обратился к ней:

– Скажите, пожалуйста, Вы проживаете на этой улице?

– Да, на ней, – добродушно ответила женщина.

– Давно ли Вы здесь живете? Мне хочется найти дом, в котором до войны жил Степан Ступин, – двигаясь рядом с ней, продолжил беседу краевед и назвал ориентировочно несколько домов.

– Мы переехали сюда в пятидесятых годах, но у меня есть знакомая, которая может знать. Я иду туда, можем зайти к ней, – участливо поддержала разговор собеседница.

Наш дачник еще не знал, что в местной библиотеке усилиями москвичей-краеведов недавно появилась добротная книга о домах и усадьбах левобережья города. Но его уже окрыляло нахлынувшее взволнованное настроение. Первый встреченный житель, первый вопрос, и он уже движется к возможному маленькому открытию. Зашли во дворик, поднялись по деревянной лестнице на второй этаж каменного дома. В комнате оказалась женщина почтенного возраста, готовившая себе обед. Чистота и порядок в комнатке свидетельствовали: не потерялась она и на склоне своих лет.

– Ступни... Ступенин, Ступе-нин, – напрягала свою па-

мать долгожитель.

– Не Ступенин, а Ступин, – пытался гость ей помочь.

– Не знаю я такого, – решительно заявила хозяйка, думавшая, видимо, о чем-то своем.

Ее мысли больше занимали переживания из-за протечки в крыше, неисполненные обещания местных чиновников. После вчерашнего дождика на чердаке стояли тазики, наполненные водой... Как лицо, ответственное за подготовку книги, неожиданный посетитель сохранял настойчивость и продолжал вести беседу с двумя озадаченными старушками. Наводящими вопросами он помогал им шевелить глубинные пласты памяти.

– А-а, Ступин, так вон, Аня Ступина живет в доме напротив, – встрепелась Людмила Григорьевна, показывая рукой в нужном направлении. – Она кровь у нас берет в больнице. У нее и спросите, может, она что-то знает о Степане.

Позже, в другой день, при повторной встрече он узнает полное имя своего уличного проводника – Натальи Владимировны Гавриловой и ее разговорчивой подруги Галины Павловны. Также узнает, что «знающий человек» – Рубцова – была передовиком производства на фабрике «Тульма», награждена орденом Трудового Красного Знамени, избиралась в исполком горсовета.

Немудреный запор на калитке частного дома открылся легко, прошли мимо развалившегося двухэтажного здания и поднялись по ступенькам на второй этаж рядом стоявше-

го подновленного старинного дома. Вышла к ним молодая симпатичная женщина. Оказалось, что она никогда не носила фамилию Ступиной, но являлась родственницей искомого героя по линии его брата Александра. В этом доме раньше жили ее мама и бабушки. Прозвучали новые имена. Однако разговор с Анной Германовной складывался вяло, с явным безразличием. О Степане она никаких подробностей не знала. Ответы выдавали настороженность хозяйки, ее нежелание развивать беседу. Что-то явно сдерживало и сковывало ее.

– Поговорите лучше с моей мамой. Она, возможно, что-то знает, – стремилась завершить наш разговор Анна.

Так начинающий краевед узнал о существовании Эмиры Павловны из пригородного поселка. Хотелось как можно больше выведать о жизни Степана от близких ему людей, поэтому вскоре состоялся телефонный разговор с новой собеседницей. Он по-прежнему больше интересовался сведениями о Степане Николаевиче, не придавая значения другой, как бы второстепенной информации. Однако ему откровенно поведали о семейных отношениях, которые складывались не лучшим образом из-за некоего конфликта между братьями Степаном и Александром. Рассказ Миры был взволнованный и перескакивал с одного места на другое. Она поведала, что у Степана карьера сложилась успешнее, а Александр впоследствии был исключен из партии, уволен с должностей и репрессирован. Вероятно, не последнюю роль

в судьбе Александра сыграла его женитьба на девушке из богатой семьи...

После первой лоскутной и запутанной телефонной беседы у исследователя местной комсомольской истории появились неясности и многочисленные вопросы. Для получения ответов на них состоялось еще несколько звонков. То, что они собирателя материалов о местном комсомоле взволновали, – это самое малое, что можно сказать. Ошеломили и одновременно озадачили. Услышанная Ильей Антоновичем неправдоподобная история потрясла его и ввела в сомнения. Он испытал неожиданный испуг и вероятный подвох от вывалившихся скелетов из чужого шкафа. И не одного, а двух. Самоуверенный начинающий писатель ощутил улет в какие-то нереальные и фантастические девятнадцатое и двадцатое столетия. Порой несуразная реальность двадцать первого века причудливо переплеталась с маловероятными событиями более чем столетней давности. Удивительные персонажи, реальные и вымышленные герои сказочным образом перемешались у него в голове. Первоначально задуманный сюжет книги резко менялся. Появилась идея написать трилогию, герои которой откровенно поведали бы современникам третьего тысячелетия о суровых и лихо закрученных событиях не только местной истории. Предстояло ни много ни мало: тщательно разложить по полочкам и подробно исследовать все услышанное по телефону от новой знакомой.

Вспомнилось, что Христофор Колумб отправлялся в пла-

вание, чтобы открыть короткий путь в Индию. Открыл, как позже оказалось, Америку, которую, как некоторые сегодня считают, лучше бы не открывал. Бывает и проще ситуация. Как в сказке: пошел сын Иван охранять сад, а встретил там чудо-жар-птицу. Что-то похожее произошло и с автором планируемого издания. Намерения найти подробности из жизни Степана привели робко шагавшего краеведа к открытию тайных страниц личной судьбы ранее видных, а ныне неизвестных горожан, к серьезным размышлениям о человеческих пороках и достоинствах.

Очень хотелось ему полнее открыть завесу над тайной древнего города, поделиться ею с такими же равнодушными коллегами и товарищами. Однако оказалось, что всякий человек больше верит вымышленному, чем тому, что выдается за быль. Часто такая позиция более безопасная. Грешная наша действительность не раз обжигала крылья доверчивым и простодушным людям. Посему те, которые ожглись на молоке, дуют на воду. Лучшей реакцией на сообщение Ильи была милая, ничего не обещавшая улыбка. У иных произвольно возникали нервные гримасы или движения рук и жесты, имевшие вполне понятное обозначение.

Ступины

В первой своей книге Илья Руднев будто из «забытого далека» высветил и четко проявил многие фамилии активных молодых горожан. За каждым именем человеческая судьба. Пожалуй, каждый достоин, чтобы о нем рассказали чуть больше. Многие личные истории выпали из памяти местного сообщества. О ком-то стало известно чуть больше, о других еще предстояло узнать. Неожиданный и малоизвестный рассказ пенсионерки Эмиры, извлеченные ею «скелеты из семейных кладовых» побудили нашего исследователя срочно приступить к поискам новых сведений о судьбе братьев Александра и Степана. Прежде предстояло развеять собственные сомнения в существовании, ранее не упоминаемого в краеведческих и исторических публикациях и литературе, большевика Александра Ступина. Хотелось глубже познать другие стороны местной истории.

В поле зрения, на слуху у молодых активистов города Туманова и одноименного района в шестидесятых и семидесятых годах остался сравнительно известным только один из братьев – Степан Николаевич. Он работал в райкоме партии, был кавалером ордена Ленина и других наград. Его часто приглашали на встречи с молодежью, как активного участника установления Советской власти, как первого организатора уездного комсомола. В 1970 году его похоронили по стату-

су почетного гражданина города. Периодически сменяемые районные руководители в местную историю и традиции глубоко не вникали. Отработав положенное, они покидали район. Жизнь ставила новые задачи, воспитательные и патриотические ориентиры смещались. Со временем о Степане уже не помнили, могила поросла быльем. Старшего из братьев – Александра – забыли напрочь еще до войны, как будто его и не было.

Из архивов Товарищества Романовской льняной мануфактуры найдено очень немного. В списках рабочих и служащих 1915 года числились две женщины с одинаковой фамилией. Анна с одним взрослым членом семьи и Настасья Ивановна с двумя взрослыми и двумя детьми. Квартировались семьи Ступиных в домах разных хозяев правобережья.

Александр

Собранный архивный материал постепенно выстраивался и хронологически, и в смысловом порядке. Выяснилось, что Саша Ступин родился в 1886 году в деревне Мартыновской Тотемского уезда (Тарногский район) Вологодской губернии. Сын крестьянина бедняка. Отец и дед были великороссами. В своей автобиографии также сообщал, что при его шестилетнем возрасте (в 1892 году) отца осудили на двадцать лет каторжных работ. А в 1902 году отец попал в плен к японцам на острове Сахалин. Сегодня известно, что тогда на острове руками российских каторжан велась добыча угля.

С малолетства Шурка в рваной одежонке, наученный матерью, был обречен попрошайничать, просить милостыню и краюшку хлеба у чужих людей. У матери Анны было тогда трое детей. В надежде избавиться от нужды в 1901 году семья переехала в Романов-Богородск. Анна Ступина и пятнадцатилетний Саша поступили на фабрику «Торольма» (Товарищество Романовской льняной мануфактуры) Классена и ко. Шурик самостоятельно научился читать и писать. Со временем юный прядильщик стал принимать участие в подпольном кружке, нелегальных маевках и митингах. В 1912 году был участником протеста рабочих против Ленских расстрелов, трехнедельной забастовки. Ему поручали распространять среди рабочих легальную большевистскую газету

«Звезда», которая организовала сбор денег среди рабочих на создание газеты «Правда». В связи с этим, как и многие ткачи-активисты, был рассчитан с фабрики. Два с половиной месяца отсидел в тюрьме и на четыре месяца жандармским управлением был препровожден в административную ссылку в село Молитовку Нижегородской губернии. Там, оказывается, также была льнопрядильная фабрика, которую в народе прозвали «Дунькина фабрика», поскольку на ней трудились в основном женщины. Через три месяца он ее покинул. Работал позже в Костроме, а «за удар помощника директора был уволен». Затем перебрался в Рыбное, где до 1914 года работал грузчиком в порту.

Мирная жизнь Российской империи завершалась, царизм готовился к победоносной недолгой войне с Германией. Трагические события в Сербии стали спусковым крючком для вступления России в войну против Германии. Начало боевых действий было успешным для Русской императорской армии.

Летом 1914 года двадцативосьмилетнего Александра призывали в царскую армию и направили воевать на Западный фронт. Известно, что служил он в пехоте рядовым стрелком. До 1917 года участвовал в многочисленных сражениях, рукопашном бое, получил ранение холодным оружием. Из партийных анкет и автобиографий об этом периоде его жизни известно очень мало. О службе в царской армии и войне записано несколько слов: «С 1914 года солдат, пехотинец в

443 Осовецком полку». На просторах интернета такого воинского подразделения нет. Есть 443-й Соснинский пехотный полк. Он сформирован в 1914 году в третьей очереди мобилизации.

Известна история опорной русской крепости Осовец на западе России тех времен вблизи границ Германии. В 1914 году ополченцы крепости сложили песню:

Там, где миру конец,
Стоит крепость Осовец,
Там страшнейшие болота,
Немцам лезть в них неохота.

Вражеская осада крепости началась в январе 1915 года. Мужество русских солдат, подвергнутых жестокой газовой атаке германских войск шестого августа того же года, поразило не только немцев, но и весь мир. Большинство личного состава 226-го Землянского полка погибло, а чудом оставшиеся в живых русские обратили в бегство наступавших немцев. Это сражение вошло в историю как «атака мертвецов».

В те времена многим полкам давали такие наименования, которые в солдатской среде не приживались. Вполне возможно, что впоследствии бытовало и такое название их полка, как Осовецкий. Оказывается, что с 1915 до конца 1917 года 226-й Землянский и 443-й Соснинский полки входили соответственно в 57-ю и 111-ю пехотные дивизии Сводного

Осовецкого корпуса, а затем 44-го армейского корпуса Западного фронта.

Февральские революционные события и последующие действия Временного правительства привели к дальнейшему ослаблению боеспособности императорской армии. Все шло к ее реорганизации и демобилизации. Готовившееся летом 1917 года наступление 10-й армии на Западном фронте было сорвано в результате недовольства солдат, обсуждавших и не выполнявших приказы командиров. Большевики через своих агитаторов уже имели большое влияние на солдатские массы. Александр в своей автобиографии данные события назвал «крупным восстанием против наступления с убийством Линде и генерала», в котором он принимал активное участие. Из истории известно, что солдатский бунт выразился в убийстве 24–25 августа 1917 года комиссара Временного правительства Линде и царского генерала Гиршфельдта, двух офицеров и казаков.

Произошедшие события подробно описаны в книге Владислава Гончарова «1917. Разложение армии». Вот небольшие отрывки из книги для понимания тех событий, в которых участвовал Александр Ступин.

«В ту же ночь, 24 августа, мне лично из штаба [44-го армейского] корпуса было передано по телефону, что полки [111-й] пехотной дивизии, стоявшей на позиции у селения Духче в восемнадцати верстах от моего штаба, отказываются выполнять боевые приказы по

укреплению позиции, что ими руководят несколько весьма зловредных агитаторов, которых надо изъять из ее рядов. На переданное требование выдать этих агитаторов солдаты 444-го пехотного полка ответили отказом. Надо их заставить выдать...

В десять часов утра мы прибыли в селение Духче, где нас ожидал начальник третьей пехотной дивизии генерал-лейтенант Гиришфельдт...

Около одиннадцати часов утра на автомобиле из города Луцка приехал комиссар фронта Ф. Ф. Линде. Это был совсем молодой человек. Манерой говорить с ясно слышимым немецким акцентом, своим отлично шитым френчем, галифе и сапогами с обмотками он мне напомнил самоуверенных юных немецких барончиков из прибалтийских провинций...

Командир полка стал вызывать людей по фамилиям. Он уже знал зачинщиков. Выходившие были смертельно бледны тою зеленоватою бледностью, которая показывает, что человек уже не в себе. Это были люди большей частью молодые, типичные горожане, может быть, рабочие, вернее люди без определенных занятий. Их набралось двадцать два человека.

– Это и все? – спросил Линде.

– Все, – коротко ответил командир полка.

Один из вызванных начал что-то говорить. Линде бросился к нему.

– Молчать! Сволочь! Негодяй! После поговоришь... Возьмите их, – сказал он сопровождавшему его

казачьему офицеру...

Ко мне то и дело подходили офицеры 2-го Уманского полка и говорили:

– Уведите его. Дело плохо кончится. Солдаты сговариваются убить его. Они говорят, что он вовсе не комиссар, а немецкий шпион. Мы не справимся. Они и на казаков действуют. Посмотрите, что идет кругом...»

Следующий отрывок прямо указывает на полк, в котором служил Ступин.

«Но в это мгновение к Линде подошел командир полка. Он хотел еще более убедить его уехать.

– Уезжайте, – сказал он, – 443-й полк снялся с позиции и с оружием идет сюда. Он хочет с вами говорить...

В это время в лесу в направлении позиции раздалось несколько ружейных выстрелов. Ко мне подскочил взволнованный казачий офицер, начальник заставы, и растерянно доложил:

– Ваше превосходительство, пехота наступает на нас правильными цепями, в строгом порядке. Я приказал пулеметчикам открыть по ним огонь, но они отказались».

Сомневаться в достоверности письменно изображенных трагических событий Илья Антонович не мог, поскольку воспоминаниями делился очевидец – бывший царский офицер.

Вскоре одного из зачинщиков восстания – Александра –

доверенные товарищи-фронтовики из солдатского комитета скрытно вместе с другими ранеными «провезли под бинтами на лазаретной линейке до ближайшей станции». Если генерал от Луцка до ставки в Могилеве добирался три дня, то солдатский эшелон с нездоровыми солдатами мог идти не одну неделю. По всей вероятности, погрузившись в санитарный поезд, Ступин не скоро прибыл на крупную узловую станцию Смоленск. Он был центром сортировки, лечения и эвакуации вышедших из строя фронтовиков и беженцев. Через некоторое время из одного из лазаретов выздоровевшего солдата направили для продолжения службы в ближайшее воинское подразделение.

Весть об октябрьском перевороте застала Александра в Бельском уезде Смоленской губернии. Агитатора-фронтовика избрали в состав комиссии по ликвидации управления воинского начальника. Демобилизация старой армии ускори-лась. Воинские эшелоны шли на восток.

Чтобы убедиться в правдивости автобиографии Алек-сандра и его прибытии в город Саратов, Илье Рудневу при-шлось внимательно изучить общее положение в войсках За-падного фронта и порядок их демобилизации. Выявилось также значение Саратова не только как крупного транспорт-ного центра в Поволжье, но и места сбора и формирования частей Красной Армии на Восточном фронте.

Дальнейший путь – в железнодорожных вагонах с демоби-лизированными солдатами до Саратова, – видимо, был не быст-

рым и не без приключений. Сегодня известно, что стихийная демобилизация продолжалась и после Октябрьской революции. 1 декабря 1917 года закончилась служба Ступина-старшего в Российской императорской армии.

О том, что демобилизованные фронтовики 10-й армии прибывали в Саратов, подтверждают 108-й Саратовский и другие полки соседней 27-й пехотной дивизии. Это видно из сообщений о формировании весной 1918 года Красной Армии Саратовского Совета. Среди воинских подразделений указывался Саратовский пехотный полк, имевший семьсот штыков, шесть орудий, тридцать пулеметов, один броневедомоцикл и пять аэропланов.

Активного солдатского агитатора саратовские большевики сразу заприметили. Вспоминал один ветеран Гражданской войны:

«Таких агитаторов-самородков, захватывающих душу, боевых, преданных партии, революции, Ленину, у нас в военной организации было немало. Нужно было как можно быстрее поднять их уровень, обогатить их природный ум минимумом знаний. Мы в первую очередь ускоренными темпами организовали клуб. Устраивали мы там собеседования и вечера вопросов и ответов, лекции и доклады по текущим политическим вопросам».

В декабре 1917 года группу солдат-фронтовиков, среди которых был и Александр Ступин, пригласили в комитет

партии 1-го района города Саратова. Здесь же его приняли в члены партии и выдали партийный билет члена РКП(б) № 8240. В партийной анкете он лично написал: «...вступал в 1917 году 6 декабря, придя в комитет во время заседания, и тут же получил билет».

Многие фронтовики рвались в родные места. Первым из братьев возвратился в Романово-Богородск израненный Александр. Вскоре тридцатиоднолетний Саша в родном городе обнял ждавших его мать Анну и сестру Олю. Встретил и друзей юности Ваню Шитова, Митю Иванова и других. Первым делом направился на льняную фабрику, с которой был уволен более пяти лет назад. Партийный коллектив с радостью принял в свои ряды земляка. Однако свободных рабочих мест в городе не было. Трудности с поиском работы испытывали и многие другие демобилизованные солдаты, пришедшие с фронта. Александр с головой ушел в создание и организацию деятельности «Союза помощи безработным солдатам Романово-Богородска». При правлении было открыто Бюро труда для оказания помощи в трудоустройстве солдатам.

О состоянии партийной организации большевиков в декабре 1917 года сохранилось его впечатление: «... *организация существовала только на бумаге, так как рядом с ней были С.-Р. городская и земская управы и другие прелести*». Как активный участник установления Советской власти в городе и уезде, на очередном уездном съезде в январе 1918 го-

да Ступин Александр был избран депутатом, членом исполкома Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов.

В автобиографии кратко записано:

«Принялся сразу за организацию солдат безработных, на которую получил восемь винтовок и пулемет».

Скупые сведения об этой деятельности указаны не только в личной автобиографии, но и в других сохранившихся до наших дней архивных материалах государственного архива области. Дополнительно стало известно, что первым его местом жительства указаны апартаменты Демидовской гостиницы. Николай Панин и другие товарищи по прошлой подпольной и нелегальной работе, местные руководители Советской власти высоко ценили энергичного и смелого большевика. Примечательно, что при обмене партийных билетов в 1918 году, если у Панина был билет № 1, Никитинского – № 2, Голубева – № 7, то у Александра Ступина – № 15, Васильева – № 16, Саблина – № 29, Переломова – № 31 из более ста двадцати членов организации. Губернские руководители Доброхотов и Нахимсон для организации Союза помощи солдатам выдали ему револьверы, несколько винтовок и пулемет. Вскоре избрали в члены Военной коллегии. 16 апреля 1918 года в отпечатанном в типографии приказе № 7 по войскам города Романово-Богородска стоит подпись члена Военной коллегии Ступина наряду с подписью военного комиссара Саблина и второго члена Никитинского.

Как опытному военному ему поручают ликвидацию уездного военного управления, городской думы и земской управы, назначают помощником председателя ЧК (Чрезвычайной комиссии) Васильева, начальником отряда ЧК. Установление новой власти в деревне, борьба с саботажем, контрреволюционными заговорами, сбор продналога и помощи голодающим стали повседневными его делами и заботами вместе с Паниным, Васильевым, Мефодием Саблиным и другими соратниками.

Проходивший 11–14 мая съезд делегатов Романово-Богородского уезда избрал новых членов исполкома, в который Ступина и других его соратников в этот раз не избрали. В связи с этим военный комиссар Саблин издал приказ об исключении из членов Военной коллегии и освобождении от должности заведующих отделами Алексея Орлова, Александра Ступина и Владимира Никитинского. Александра временно оставили при Военном комиссариате для сдачи имущества расформированных воинских частей старой армии. Саблин дополнительно указал: *«Ввиду увольнения всех членов Военной коллегии приказы впредь буду подписывать сам»*.

Стройного и мужественного вида молодого солдата заметили не только товарищи-единомышленники. Неизвестным путем пересеклась его личная судьба с молодой чернобровой и смуглолицей Антонидой. В то время произошло их близкое знакомство. Можно предположить, что двадцатилетняя

девушка, закончившая местную гимназию (высшее училище), уже работала делопроизводителем или машинисткой в одном из органов управления городом. Антонида Романова была из семьи ремесленника «каретных дел мастера». Богатые родители не возражали против их общения. Отец его избранницы, будучи не лишенным житейской мудрости и смекалки, дал согласие на брак молодых. В те времена при создании семьи их фамилии могли не изменяться. Церковь утратила статус официального органа регистрации брака, а новые органы власти не настаивали на обязательности штампа. Тоня сохранила свою прежнюю фамилию. Получился роман, чем-то похожий на известную любовь матроса-революционера Павла Дыбенко и революционерки (бывшей дворянки) Александры Коллонтай.

Из партийной анкеты Александра Никоновича известен период с июля по октябрь 1918-го его участия в местной Чрезвычайной комиссии. Выполнял он и другие поручения уездного комитета РКП(б). Имеется сохранившаяся телефонограмма, направленная в воинские подразделения, всем членам и кандидатам РКП(б) Романово-Богородска о прибытии 14 июля в штаб роты ЧОН к 10:00 на парад. Подписана была им как заместителем секретаря уездного комитета РКП(б) и его товарищем, заведующим Управделами укома Переломовым. Общим собранием коммунистов 8 октября 1918 года он избирался Военным инспектором уездного комитета партии. Выезжал в волости агитатором. Участ-

вовал во всех проводимых кампаниях, направленных на помощь голодающим, сборах продналога и т. д.

Борьба с контрреволюционными элементами в городе и на селе периодически принимала острый характер. Задержания дезертиров и белогвардейских офицеров, выявление схронов их оружия и боеприпасов требовало огромного напряжения физических сил и моральных свойств первых чекистов. Продолжительность днем или ночью опасной службы зависела от складывающейся оперативной обстановки. Александра порой сутками не видели дома. Из рядов красных бойцов постоянно выбывали раненные и убитые. Не церемонились они и с теми, кто оказывал вооруженное сопротивление, не сдавался добровольно. В одной из таких операций в соседнем уезде погиб его товарищ – комендант города и председатель местной Чрезвычайной комиссии Степан Васильев.

Лето 1918 года выдалось новым испытанием для Советской власти. Тихопольский мятеж продлился две недели. Много жертв было и среди романовцев, ушедших на защиту губернского центра. Вскоре дошло сообщение из центральных газет о расстреле в Екатеринбурге Николая Романова без упоминания его титулов и статуса. Длительное перемещение по стране отрекшегося императора, лишённого свободы вместе с супругой решением Временного Правительства весной 1917 года, трагически завершилось. О судьбе царской семьи сообщили, что она эвакуирована в безопасное место. После покушений на Ленина и других советских ру-

ководителей был объявлен «красный террор», последовали аресты и расстрелы сторонников восстановления старой власти, были убиты многие представители царской династии.

Молодая семья не только по причине своего общественного положения была хорошо осведомлена о важнейших событиях в стране. Александр, пристрастившийся с юных лет к чтению политических изданий, регулярно выписывал домой газеты «Известия ВЦИК», «Правду», «Беднота», журнал «Коминтерн» и другие. Возможно, на первых порах он не ведал об особенностях своей семьи, страшной угрозе их личному счастью. Однако Антонида, зная свое происхождение, своим женским сердцем чувствовала реальную беду, могшую свалиться на них. Видимо, по этой причине первая беременность проходила тяжело.

Однажды пришедшего со службы домой мужа спросила встревоженная, но пытавшаяся выглядеть обычно Антонида:

– Саш, почто расстреляли Николая Романова? Что-то бывший царь успел натворить?

Уставший Александр, недолго думая, ответил:

– Как контру, которая хочет вернуть старые порядки, – мысленно он был согласен с жестоким решением екатеринбургских товарищей.

Жена выслушала и задала свой главный вопрос:

– А, вот, что теперь будет с семьей, с детками? Пишут, что они в безопасности...

– Тоже к стенке надобно, – зло, не дослушав супругу, за-

ключил начальник отряда ЧК.

– А их в чем вина? – не унималась Тоня. Александр не хотел отвечать на этот назойливый допрос.

Он вспомнил свое нищее и голодное деревенское детство, тяжелую работу в цеху льнопрядения, аресты и ссылку, бессмысленную и жестокую бойню с германцами, кусавших его вшей и блох в солдатских казармах и окопах. В сердцах выпалил:

– Кровопийцы они! Под корень все царское семя надобно! – как саблей, рубанул молодой чекист. Он даже не мог представить, что такая же участь может быть уготована его детям. Его сотоварищи по приказу беспрекословно поступят и с его кровинками, которые вдруг окажутся неудобными новой власти. Он был убежден, что только так новая власть может принести обещанное благополучие и счастье всем обездоленным.

Ужас и смятение еще больше охватили беременную первенцем Антониду Романову. Вскоре преждевременно рожденный их ребенок умрет.

О повседневной напряженной агитационно-пропагандистской работе можно узнать из написанного карандашом от руки Александром «Доклада в партию» от 16 октября 1918 года. По сути это отчет о выезде на собрание в бывшее имение Кругликова Максимовской волости. На сходе крестьян численностью около двухсот пятидесяти человек он разъяснял необходимость преобразования Красной ар-

мии от милицейской структуры к постоянно действующим воинским подразделениям. Он сообщил о роли капиталистов мира в развязывании войны, о разгроме врагов на фронтах, о взятии Самары доблестной Красной армией. Это имело сильное воздействие на присутствующих. Разъяснял суть военного времени. Он «увидел приятное настроение, и особенно среди молодого поколения Максимовской волости». Выразил уверенность, что «если будут с таким настроением все крестьяне РСФСР, то победа над мировым капиталом будет обеспечена в полном смысле этого слова».

Происходившие события в городе чередовались, как новые картинки в крутящемся детском калейдоскопе из цветных стеклышек. На состоявшемся общем собрании коммунистов 27 октября 1918 года создали инициативную группу, в которую были избраны товарищи Ступин, Свистунов, Кузнецов, Маевский, Нефедов и Уваров. Они составляли резерв красных комиссаров для отправки на фронт с саперными ротами.

Имеется в архиве справка о том, что 31 октября 1918 года Литературным отделом Комиссариата Советской печати, агитации и пропаганды товарищу Ступину отпущена бесплатная литература и газеты на двадцать человек.

Будучи политическим комиссаром 1-й саперной роты, Александр на вечере-представлении в пьяном виде устроил ссору и дебош с председателем гарнизонного культурно-просветительного комитета Голубинским. По докладной Маев-

ского, 23 декабря на заседании комитета партии уездной организации в составе Панина, Шаркова, Ионина, Иванова, Лебедева и Саблина их действия были осуждены. За подрыв авторитета Советской власти Голубинского исключили как сочувствующего идеям партии, а Ступину сделали выговор и рекомендовали командировать на фронт.

В декабре 1918 года Александр выехал с отрядом матросов на Восточный фронт. Прежде прошел девяносточасовые курсы воинского всеобуча в Москве. Назначался на должности агитатора 2-й бригады, помощника, заместителя комиссара, комиссаром полков 229-го, 230-го, 231-го в составе 26-й стрелковой дивизии 5-й армии. Участвовал в боевых операциях. В составе комиссии расследовал самовольное отступление 231 сводного полка. Был дважды ранен, длительно лечился в военном лазарете города Казани.

Из истории Гражданской войны известно, что за героизм в Златоустовской операции 228-й и 229-й стрелковые полки награждены Почетными революционными Красными Знаменами ВЦИК.

Гражданская война подходила к завершению. В сентябре 1921 года раненый комиссар демобилизовался и возвратился в родной город, который его товарищи переименовали в память о погибшем земляке Туманове. Как писал Александр Ступин в автобиографии:

«С фронта пришел развалиной и долго лежал, на время выпустил из рук оружие».

Как позже Илья Руднев заметит, последние слова сказанной фразы имели принципиальное значение в жизни земляка-революционера, дерзкого и ревностного строителя новой жизни.

Степан

Параллельно наш краевед собирал новые сведения о жизненном пути его брата. Военная служба, активное участие в революционных событиях не обошли и младшего Ступина – Степана. Из автобиографии, написанной в 1947 году, известно, что родился он 25 декабря 1898 года в деревне Мартыновская (Мартыново) Вологодской губернии Тотемского уезда. Родители – крестьяне.

Там же:

«Вскоре мать переехала в город Романово-Богородск и работала на фабрике Романовской льномануфактуры. До десяти лет учился в начальной школе при фабрике».

Не окончив школу, Степа уехал в Москву, где работал учеником, а затем токарем по дереву. В феврале 1917 года он был призван в царскую армию. Во время Октябрьской революции принимал участие в захвате власти в городе Воронеже, будучи пулеметчиком 5-го пулеметного полка.

По словам Михаила Карпачева, доктора исторических наук, профессора, *«Захват власти в Воронеже в октябре 1917-го большевики осуществили, используя 5-й запасной пулеметный полк. Основой его был отряд, который прибыл в Воронеж из Сибири в августе 1917 года. В полку насчитывалось две тысячи человек. Своих симпатий солдаты не*

скрывали – маршируя по городу в сторону Чижовских казарм, они несли плакаты «Мир хижинам, война дворцам!», «Да здравствует Интернационал!», «Война до победы над капиталом!».

В январе 1918 года Степан записался добровольцем в Красную армию и был направлен на фронт в Донскую область против войск генерала Каледина. Из анкеты также узнаем, что до марта 1919 года он воевал в пехоте пулеметчиком на Южном, а затем на Восточном фронте. Был рядовым и комиссаром батальона, избирался членом полкового комитета. В марте после тяжелых боев под Уральском «...по ранению оставлен вовсе», прибыл на родину. 11 марта его приняли в члены РКП(б) в военной организации города Туманова, в которой хорошо знали его брата Александра. В мае по рекомендации Панина он вошел в состав оргбюро по созданию уездной комсомольской организации, часто выезжал агитатором в сельскую местность.

В сентябре 1919 года на первом Тумановском уездном съезде РКСМ избирается председателем комитета. Из областного «партархива» стало известно, что он в октябре в качестве делегата присутствовал на 2-м съезде РКСМ в Москве. Там с большой пламенной речью выступил от Красной армии председатель Реввоенсовета республики Лев Троцкий, репрессированный впоследствии. Выступали на съезде и другие видные деятели партии, такие как А. Коллонтай, Н. Крупская. После развернувшейся в 30-х годах

борьбы с троцкизмом вплоть до 1953 года было опасно не только для карьеры, но для собственной жизни упоминать имя Льва Давидовича. Особенно опасно было вспоминать речи признанного вождя российского пролетариата и делиться впечатлением от их сильного воздействия на умы и настроения молодых комсомольцев. Возможно, из-за этих обстоятельств у исследователей отсутствовала возможность из личных документов и воспоминаний Степана подробно узнать о его участии в работе 2-го съезда комсомола.

От коммунистического союза молодежи 10 ноября 1919 года он выступал на Тумановской уездной партийной конференции. В подтверждение его пребывания в Туманове можно привести им написанный 24 декабря рапорт об инциденте в рабочем клубе «Тульма». Распространенное мнение, что после второго съезда РКСМ он ушел на фронт, не подтверждается. В его личном листке по учету кадров с октября 1919 по октябрь 1920 года в графе «Выполняемая работа» записано: «Зав. орг. отд. Укома ВКП(б) г. Туманов».

Следующая запись в анкете такова: «Пом. уполномоч. губ чека – Артемовск». Понятно, что это уже работа в органах государственной безопасности в шахтерском Донбассе. Известно, что в это время административным центром Донецкой губернии был город Бахмут (Артемовск). После годичного обучения в Москве в июле 1922 года Ступин-младший опять возвращается в родной город. Его снова избирают заведующим организационным отделом уездного коми-

тета партии.

Не добившись военной победы над молодой Советской республикой, страны Антанты не останавливались в попытках уничтожить первое в мире государство, руководимое коммунистами. Партия, взявшая ответственность за судьбу народа огромной страны, по сути, методом проб и ошибок отчаянно приступила к форсированному ее восстановлению и преобразованию. Создавалась командная система управления, она полностью зависела от решений партийного центра. Полновластие и ответственность уездного комитета РКП(б) в налаживании повседневной жизни подтверждается рядом его решений в первые годы Советской республики. Стратегия выживания во враждебном капиталистическом окружении по факту не допускала разброса различных мнений и позиций однопартийцев, бывших соратников. Экономическая политика проводилась в условиях жестокой идеологической борьбы внутри партии. Значимость судьбы отдельного человека была неразрывно связана с общими интересами.

Активное участие Степана Ступина видно в подготовительной работе в волостях по перевыборам уездного исполкома. Его назначили одним из кандидатов на 6-й уездный съезд Советов. Он был инициатором снабжения оружием местной боевой дружины РКСМ.

Вскоре местными коммунистами было принято решение об аресте председателя уездного комитета партии т. Шаркова как бывшего осведомителя царской охраны. Подобные

события были редкими, но принимались соратниками так же решительно и без колебаний. Засиживаться долго в руководящих креслах большевикам не приходилось. Отчеты и переборы всех ветвей власти проходили каждые три месяца, случались и досрочные.

Стремительно развивающиеся события социальных преобразований увлекают их участников до такой степени, что бывало как в песне: «Отряд не заметил потерю бойца». Значимость личной судьбы отдельного человека в этом жизненном потоке существенно поблекла на фоне грандиозных свершений. Она была брошена в жертву ради всем обещанного светлого будущего.

Не легкой и гладкой была судьба многих первых коммунистов района. Дважды решался вопрос об исключении из рядов РКП(б) лично знакомого с Лениным и Крупской Николая Панина. Первый раз в 1918 году его же местными соратниками. Второй – в 1921 году губернским комитетом за «наклонность к диктаторству». Не избежали «партийного следствия» Александр Валенков, Яков Переломов и другие их товарищи по борьбе. Делегат нескольких партийных форумов и Всероссийских съездов Советов – первый «красный» губернатор Николай Федорович Доброхотов, находившийся на пенсии по болезни, в 1937 году был приговорен к расстрелу как «враг народа». Бывший секретарь укома РКП(б), военный комиссар уезда Дорогов перед войной также был репрессирован. Правда и то, что некоторые из них благополуч-

но дожили до глубокой старости.

Уездная милиция

Желание узнать что-то новое из истории местной милиции привело Илью Антоновича в музейный уголок истории при Совете ветеранов городского отдела внутренних дел. Возглавлявший совет Михаил Васильевич встретил его как старого знакомого. Бывший начальник милиции-полиции с мало скрываемой гордостью показывал собранные документы прошлых лет, подготовленный стенд с фотографиями и другие разложенные на столах экспонаты. Начинающие краевед и музейщик быстро нашли общий язык. Каждый старался рассказать о важности сделанного и о преодолении возникающих трудностей и препятствий в этой общественной затее.

Внимание Ильи привлекла фотография с тремя солидными мужчинами. Одного из них председатель Совета знал – это был Пермяков Анатолий Александрович. Когда-то он был одним из начальников горрайонной милиции. Из архивов краевед знал, что в 1923 году тот нес милицейскую службу вместе со Ступиным. К сожалению, об Александре Ступине ветераны отдела ничего не знали. Остальных персонажей на фото опять помогли найти социальные сети интернета. Среди них был Голубев Иван Сергеевич, которого узнал его шестидесятилетний внук Сергей, проживавший в областном центре. Известно, что братья Иван и Константин уста-

навливали советскую власть в Туманове, разоружали местную «роту смерти». Константин был одним из партийных руководителей уезда, Иван – председателем горсовета. Как они с товарищами участвовали в создании уездной партийной организации и местной милиции в то время, когда старший Ступин был на фронте, Илья Антонович увидел в сохранившихся архивах области. Вот некоторые из них.

Один из первых протоколов заседания уездного комитета партии, обнаруженный в архиве, был датирован 9 января 1919 года. На нем присутствовали Лоханин, Дорогов, Шарков, Панин, Иванов, Ионин. Председателем избрали Лоханина, секретарем – Дорогова. Все они одновременно были членами рабочих отрядов милиции, созданных в конце 1917 года. Сохранился список закрепленного за ними оружия. Изредка это револьверы и наганы, а в основном винтовки с боекомплектом из десяти патронов. Среди первых местных большевиков в списке также были Никитинский, Васильев, Лебедев, Переломов, Сулоев, Анкудинов и другие.

В присутствии председателя партии коммунистов уездной организации товарища Доброхотова 11 февраля 1919 года открывается и проводится общее собрание милиционеров города Туманова в связи с организацией при милиции коллектива коммунистов и сочувствующих. Присутствовали семь членов РКП(б), пять сочувствующих и одиннадцать человек, желавших вступить в группу сочувствующих. В бюро ячейки «для направления политической работы» были

избраны Волостнухин, Голубев и Комаров. «Собрание заканчивается речью товарища Доброхотова, который еще раз призывает сознать самих себя и не загромождать слабыми рядами сознательных борцов».

Первые коммунисты обнаружены в списке коллектива коммунистов и сочувствующих при коллективе Тумановской уездной рабоче-крестьянской милиции. Это Константин Волостнухин, Константин Николаев, Павел Солнцев, Ян Росман, Федор Петров, Степан Озеров, Сергей Шаров, Константин Рыжков, Михаил Иванов. Там же перечислены восемнадцать сочувствующих коммунистам.

15 февраля состоялось общее собрание рабоче-крестьянской милиции города Туманова под председательством товарища Голубева и секретаря Иванова. Повестка дня принимается единогласно, и вносится предложение, чтобы протоколы предыдущих собраний зачитывались первыми. Председатель читает протокол от 11 февраля и по нему принимается решение.

По организационному вопросу слово берет товарищ Волостнухин. Он говорил, что *«в партию коммунистов должны входить только те, которые проникнуты духом коммунизма. Остальные элементы, не чувствующие себя сильными и боящиеся жертв, или из-за шкурных интересов желающих получить теплое местечко, таким нет места в партии коммунистов»*. Вторым выступил товарищ Голубев. Он также разъяснил, что малодушные не должны входить в

партию. Выступивший Комаров сказал: «Все говорят: жертвы, жертвы, которые некоторым страшны. Не нужно бояться этих жертв, потому что они приносятся по мере возможности своих сил».

В разделе текущих дел слово взял товарищ Росман. Он высказался о том, что милиционерам необходимо обмундирование, так как старое все износилось. Кроме того, у некоторых милиционеров не имеется белья. Озеров также сказал, что в белье у товарищей острая нужда. Чинят по несколько раз, прачки отказываются стирать, так как оно разваливается. Купить негде. Комаров обратил внимание, что обмундирование обещано давно, а результаты на его получение неизвестны. Мол, надо ходатайствовать перед продовольственным комитетом об отпуске материала для шитья и по одной катушке ниток. Товарищ Волостныхин обещал, что примет все зависящие меры. Общее собрание закрылось с объявлением, что пятый вопрос – «Суждения об открытии 3-го Красного Интернационала» – будет обсуждаться одними коммунистами.

2 марта 1919 года состоялось открытие 2-й съезда Тумановской уездной конференции Российской коммунистической партии большевиков. По итогам съезда членами уездного комитета были избраны Доброхотов, Лоханин, Ханский, Березниковский, Кузнецов, кандидатами – Шарков, Егоров, Никитинский.

Собрание коллектива коммунистов при уездной рабо-

че-крестьянской милиции состоялось 4 марта 1919 года в связи с убытием на учебу в Москву председателя коллектива товарища Голубева. Взамен уезжающего на курсы избран товарищ Николаев.

Сохранился протокол собрания от 22 марта. Обсуждали «прием и утверждение новых членов в коммунисты и сочувствующих» и другие организационные вопросы. Приняли также решение о приобретении литературы и газет.

Первый съезд милиционеров уезда состоялся 6 апреля 1919 года. Съезд открыл начальник рабоче-крестьянской милиции товарищ Волостнухин. Он же был избран председателем съезда, товарищем (заместителем) избрали Никитинского, секретарем – Иванова. По текущему моменту выступил от уездного комитета партии товарищ Дорогов. Он вкратце обрисовал положение Советской республики, улучшающееся с каждым днем, победы доблестной Красной армии, разложение империалистов других стран, где коммунистическое движение берет верх. Сообщил о сложной политике Вильсона и собравшейся в Париже четверке грабителей, которые сговаривались, как лучше поработить весь мир. Товарищ Волостнухин говорил о Венгерской революции, где образовалась советская власть и где буржуазия сама передала власть пролетариату, сознавая свое бессилие. Во главе Венгерской республики стал коммунист Бела Кун. Дальше докладчик описал неблагоприятное положение на Уфимском фронте.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.